

Только пришли домой, глядятъ: они всѣ мертвые. Начали его бранить; онъ и говоритъ: «вы бы, говоритъ, ихъ всѣхъ прежде вымыли, а то, говоритъ, я съ черными не могъ сидѣть!»— Такъ этотъ дурачекъ въ этой деревнѣ жилъ и все такія проказы творилъ.

69.

ОПЯТЬ ДУРАЧЕКЪ.

Жила была вдова; у ней былъ сынъ дурачекъ. Онъ только и дѣлалъ, что въ одну гармонію игралъ. Вотъ ему мать и говоритъ: «что, говоритъ, ты все играешь! Ты бы куда-нибудь бы пошелъ!» — Дуракъ этотъ пошелъ; вышелъ за дворы; его дядя сѣетъ, разсѣваетъ хлѣбъ. Вотъ онъ и говоритъ: «дай Богъ упасть, чтобъ пропасть!» Вотъ они его ухватили, давай его *таскать*; *оттаскали* его. Приходитъ онъ домой и плачетъ. Мать стала спрашивать: о чемъ ты, сынъ, плачешь?— «Меня дядя *оттаскал*; онъ что-это на поле бросалъ, я ему сказалъ: «дай Богъ упасть, чтобы пропасть,» онъ и давай меня *таскать*.»—Эхъ, дурачекъ! ты бы сказалъ: зароди Господь на вашу долю и на мою съ вами! — «Ну, я, матушка, пойду, скажу!»

Пошелъ онъ; горитъ деревня. Онъ зашелъ среди пожару и говоритъ: «дай Богъ на вашу долю и на мою съ вами!» Вотъ его ухватили, давай *клочить*. Пришелъ домой, плачетъ. Мать его и спрашиваетъ: что ты, сынъ, плачешь?—«Меня поколотили. Тамъ *что-это* огонь горитъ; я пришелъ, говорю: «дай Богъ на вашу долю и на мою съ вами!» — Экой ты, дуракъ! Ты бы взялъ ведро водицы, да залилъ бы; они бы тебя похвалили!»—«Ну, хорошо, матушка; я пойду, такъ и сдѣлаю!»

Пошелъ. Приходитъ; подъ горой мужикъ свинью палить; и у него ведро съ водой стоитъ. Дуракъ ухватилъ ведро и за-

лилъ у него весь огонь на свинѣ. Этотъ мужикъ сгрѣбъ его и давай его таскать. Вырвался, бѣжать домой къ матери. Прибѣжалъ, плачетъ. Мать его и спрашиваетъ: что ты, сынъ, плачешь?—«Да все по твоему наученью! Тамъ у мужика свинья горѣла; я прибѣжалъ и залилъ!» — Экой ты дуракъ! Ты бы сказалъ: дай Богъ разговѣться на Свѣтло Христово Воскресенье и мнѣ съ тобой тутъ же. Онъ бы тебя похвалилъ бы!— «Ну, хорошо; я пойду, скажу».

Вышелъ за дворы, подходитъ къ кусточкамъ. Вотъ мужикъ лупить кобылу мертвую, 'околѣлую. Онъ и говоритъ: «Богъ помочь тебѣ! дай тебѣ Богъ разговѣться на Свѣтло Христово Воскресенье и мнѣ съ тобой тутъ же!» Онъ (мужичекъ) давай его *валять* (бить). Дуракъ вырвался, бѣжать. Пришелъ домой, плачетъ. Мать и спрашиваетъ: о чемъ ты, сынъ, плачешь? — «Да все по твоей наукѣ; вышелъ я къ кусточкамъ; мужикъ надъ лошадыю сидитъ; я ему сказалъ: «дай Богъ тебѣ разговѣться на Свѣтло Христово Воскресенье и мнѣ съ тобой тутъ же!» — Экой ты дуракъ! Ты бы взялъ бы плюнулъ, отворотился. Онъ бы тебя похвалилъ! — «Ну, хорошо; я такъ сдѣлаю!»

Вотъ онъ пошелъ. Несутъ мертвеца. Онъ взялъ подошелъ напередъ; поднялъ крышку и плюнулъ мертвецу прямо въ лицо. Тѣ (хоронившіе) ухватили его, давай его колотить. Дуракъ бѣжить домой; на мать осердился. Мать спрашиваетъ; а онъ *не къ себѣ* (sic!).—За что тебя, дуракъ, били?—«Да вотъ тамъ какую-то чурку несутъ. Я взялъ поднялъ крышку, плюнулъ.» — Экой ты дуракъ, ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! Они тебѣ дали бы медку.—«Ну, хорошо, матушка! Я пойду, скажу!»

Только идетъ онъ; ѣдетъ свадьба. Онъ снялъ шапку, кланяется. «Царство небесное, канунъ и свѣча! А мнѣ дайте медку!»—Они опять давай его таскать: народъ пьяной, разумѣется, тутъ (на свадьбѣ). Вырвался, плачетъ. Мать спра-

шиваетъ его: о чемъ ты плачешь? — «Вотъ меня, по твоей наукѣ, все бьютъ!» — За что тебя били? — «Вотъ тамъ ѣдутъ что-это, играютъ пѣсни со звономъ. Я поклонился, сказалъ: царство небесное, канунъ и ладонъ! Они давай меня *дутъ*.» Мать ему и говоритъ: экой ты дуракъ; это, говоритъ, свадьба ѣдетъ. Ты бы сказалъ: дай Богъ добрый часъ! — «Что это такое, матушка, свадьба?» — Это, значить, женять; теперь одинъ живетъ; женятся, станетъ двое. — «Ну, матушка, мнѣ жениться надо!» — Э, дуракъ! у насъ денегъ нѣтъ! — «А намъ что за дѣло?» — Какъ что за дѣло? Гдѣ жъ мы денегъ возьмемъ? — «А вотъ бурю корову за рога (т. е. продадимъ)!» — А чѣмъ же, говоритъ, мы будемъ жить безъ коровы? — «А мнѣ что за дѣло?»

Пошелъ дуракъ, обраталъ корову за рога, повелъ продавать. Вотъ онъ и ведетъ мимо поповыхъ воротъ. Вотъ собака и брешетъ: *гамъ, гамъ!* — Ну, мнѣ все равно, хоть *вамъ*, говоритъ. Все равно, кому не продавать! — Она свое: гамъ, гамъ! — «Много ли ты дашь?» — Она опять: гамъ, гамъ! Онъ *отвѣчаетъ* (говоритъ) поповой собакѣ: «я меньше тридцати рублей не отдамъ!» Она опять свое: гамъ, гамъ! Онъ думаетъ, что она его проситъ недѣлку подождать. — «Ну, пожалуй, я недѣлку подожду!» Корову и отдалъ; на дворъ пустилъ; самъ пошелъ домой.

Пришелъ домой; мать его и спрашиваетъ: «что продалъ ты корову?» — Проталъ, матушка! — «Кому жъ ты ее продалъ?» — Поповой собакѣ. «За сколько?» — За тридцать рублей. «Гдѣ жъ деньги?» — Велѣла недѣлку подождать. — Экой ты дуракъ! гдѣ у поповой собаки деньги? — «А, какія вы! у ней денегъ много.»

Вотъ проходитъ недѣля; дуракъ и пошелъ къ поповой собакѣ за деньгами. Вотъ идетъ собачка, встрѣчаетъ его и лаетъ на него. Дуракъ ей *отвѣчаетъ*: «пора деньги отдать. Мнѣ

на свадьбу нужны!»—Она все на него: гамъ, гамъ! А дуракъ думаетъ, что она проситъ его еще недѣлку подождать. «Какъ же ты? *То* (тогда) просила недѣлку подождать. а тутъ еще просишь на недѣлку. Я тебѣ сказывалъ, что мнѣ деньги нужны на свадьбу!» Дуракъ *осерчалъ* на нее, бросился за ней; она отъ него на дворъ; онъ за ней. Вотъ онъ давай за ней по двору бѣгать. Она лаетъ на него; а онъ думаетъ, что она опять проситъ недѣлку подождать. Дуракъ *весь осерчалъ* на нее; выломилъ колъ изъ прясла и давай за ней съ коломъ по двору, давай *вытурять* (выгонять) ее. Она нигдѣ мѣста себѣ не найдетъ. Выгналъ ее со двора; она умучилась, сѣла на кочку. Этотъ дуракъ съ сердца *запалилъ* (бросилъ) въ нее коломъ; сшибъ ее вмѣстѣ съ кочкой. А у ней тамъ подъ кочкой котелъ денегъ, серебра. Онъ взялъ отсчиталъ себѣ тридцать рублей. — «Эка, говоритъ, сволочь скупая! Вотъ ты бы давно отдала мнѣ; за что бы я тебя сталъ бить? Ты сама знаешь, что мнѣ деньги на свадьбу нужны. Я для того и продовалъ ее (корову)». И пошелъ дуракъ домой.

Встрѣтился съ нимъ дядя его. «Гдѣ ты, дуракъ, былъ?»— А тебѣ что за дѣло?—«Какъ что за дѣло? Авось, можно сказать!»—Сказать нельзя; ты, пожалуй, унесешь! Я къ поповой собакѣ за деньгами ходилъ!—Дядя плюнулъ. «Дуракъ дурацкое и говорить! Какія у поповой собаки деньги?»—Э, у ней что денегъ-то! Котелъ цѣлый! Когда не вѣришь, пойдемъ, я тебѣ покажу!—Повелъ онъ дядю, указалъ ему. Дядя давай эти денежки класть себѣ. А дуракъ пришелъ домой къ матери; приходитъ домой. Мать спрашиваетъ у него: «гдѣ ты, дуракъ, былъ?»—Развѣ ты не знаешь? Къ поповой собакѣ за деньгами ходилъ! — «Что жъ, получилъ?» — Получилъ, матушка! — «Много ли?» Развѣ не знаешь сколько? Тридцать рублей. Эка, матушка, она скупая! Тамъ что денегъ-то у ней; я дядѣ указалъ!—«Экой дуракъ! На что жъ ты дядѣ указалъ?

Ты бы самъ всё нёсъ; а то дядя унесетъ! На мѣшокъ, ступай неси всё деньги, wygrбай». Дуракъ пошелъ. Идетъ дуракъ къ котлу. Дядя сидитъ на колѣнкахъ, wygrбаётъ золото. Онъ взялъ этотъ колъ, которымъ собаку-то гонялъ, прямо дядю по головѣ!—и убилъ до-смерти.—«Впередъ не бери мои деньги!» Взялъ всё деньги поспряталъ въ мѣшокъ; несетъ домой къ матери. «Что дядя-то не унесъ деньги-то?»—мать спрашиваетъ.—«Да я, матушка, его убилъ! — Экой дуракъ! что ты надѣлалъ!»—А онъ зачѣмъ мои деньги бралъ?—«На мѣшокъ, поди принеси дядю!» Взялъ мѣшокъ, пошелъ за дядей, пришелъ, посадилъ въ мѣшокъ и принесъ его домой. Мать и велѣла ему его на верхъ, на избу положить. Онъ и положилъ.

Потомъ мать взяла зарѣзала козла; положила его на избу, а дядю-то спехнула. Дядю положила подъ кровать, въ кострику закопала. Вотъ на другой день дуракъ пошелъ опять на то мѣсто, гдѣ деньги wygrбѣ. Попадаются ему братья двоюродные. «Гдѣ ты, дуракъ, былъ?» — Да вотъ къ поповой собакѣ ходилъ повидаться съ ней!—«Не видалъ ли нашего батюшку?»—Какъ не видалъ? Я его убилъ еще; а то не видалъ! — Они и говорятъ: «дуракъ дурацкое и говоритъ! Что ему вѣрить? Пойдемъ, братъ, домой!» Такъ и ушли домой. На другой день опять смотрятъ: нѣтъ старика ихняго! — Ужъ третьи сутки подходятъ, смотрятъ: все нѣту; все ищутъ его.

Опять у дурака стали спрашивать. «Что, дуракъ, не видалъ ли нашего батюшку?» — Вѣдь, я вамъ сказывалъ, что я его убилъ. «Дуракъ дурацкое и говоритъ!»—Ну, когда не вѣрите, пойдите; я вамъ покажу.—Ухватилъ, повелъ ихъ. «Онъ, говоритъ, у меня на потолокъ лежитъ; я въ мѣшкѣ его принесъ!» Пришелъ домой съ ними. «Ну, братья! полѣзайте на верхъ!»—Ну, что намъ тамъ дѣлать? Полѣзай ты, дуракъ! — Дуракъ полѣзъ; влѣзъ туда; и спрашиваетъ у нихъ: «вашъ отецъ съ чѣмъ былъ? съ бородой, что ли?» — Съ бородкой,

говорять. — «Какая у него бородка была, сизенькая?» — Да, говорят, сизенькая! — «А рожки какіе у него были? Черненькіе, что ли?» — Ну, дуракъ дурацкое и говоритъ. Зачѣмъ мы сюда пришли? — «Что вы, братья? Право! Хотите, я его вамъ сейчасъ сниму? — А какіе у него на ножкахъ копытцы были, черненькія что ли?» — Что, говорятъ, дуракъ дурацкое и болтаетъ! — Этотъ дуракъ *осерчалъ* на нихъ, схватилъ этого козла, вмѣсто ихъ отца, и *запалилъ* (бросилъ) въ нихъ. Тѣ братья испугались, бѣжать! «Дуракъ дурацкое и говоритъ!»

Послѣ мать дядю изъ кострики выкопала; закопала въ яму, а дурака женила; сталъ онъ жить да поживать.

70.

АЛЕША—ТЮКЪ—ТЮРЮ-РЮКЪ.

Жилъ былъ баринъ; у него былъ кучеръ Алёша. Собирается баринъ съ нимъ ѣхать въ дорогу; поѣхали они въ городъ. Алёша купилъ себѣ калачъ и барину купилъ, 5 к. с. заплатилъ. Завернулъ Алёша свой калачъ въ сѣно и ѣстъ. Баринъ у него и спрашиваетъ: Алёша, что ты ѣшь? — «Я, сударь, сѣно ѣмъ-съ!» — Выбери-ко мнѣ, Алёша, помельче! — Вотъ Алёша далъ ему сѣна, — онъ и сталъ ѣсть сѣно.

Вотъ Алеша и говоритъ: «баринъ! поѣдѣте съ вами къ моей тещѣ ночевать!» — Алеша пошелъ къ тещѣ къ своей; а барину велѣлъ подъ окно на улицѣ сѣсть. «Вы, баринъ, говорите: Алеша тюкъ—тюрю-рюкъ, тюрюрюшеньки!» Алеша пришелъ къ тещѣ. А баринъ сидитъ подъ окномъ, говоритъ: Алеша тюкъ—тюрю-рюкъ! — Теща и спрашиваетъ: Алеша! что онъ говоритъ? — «Вздуй огня!» Она вздула огня. А баринъ сидитъ, говоритъ: Алеша, тюкъ—тюрю-рюкъ! Теща и спрашиваетъ: Алеша! что онъ говоритъ? — «Собери поужинать». — А баринъ